

УДК 39 (470.22)

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

С. И. Кочкуркина

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В Северо-Западном Приладожье известны немногочисленные памятники и случайные находки VI и X – начала XI в., оставленные выходцами из Северной Европы. В XII–XIV веках в связи с напряженной военной обстановкой для защиты местного древнекарельского населения сооружаются укрепленные каменными стенами и валами поселения (городища). В результате археологических исследований получена содержательная информация о материальной культуре, комплексности хозяйства древних карелов, локализации некоторых видов хозяйства в зависимости от особенностей природной среды. Археологические данные существенно дополняются сведениями из западноевропейских письменных источников, древнерусских летописей и документов, берестяных грамот, свидетельствующих об активной внешнеполитической деятельности средневекового населения Карелии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: археологические памятники рубежа I–II тысячелетий, городища XII–XIV веков, материальная культура, торгово-культурные контакты, письменные источники.

S. I. Kochkurkina. NORTH-WEST PRILADOZHJE IN THE MIDDLE AGES (HISTORICAL AND CULTURAL ASPECT)

Few monuments and random findings, dated the 6th and from the 10th to the beginning of the 11th century, left by the natives of the Northern Europe are known in the north-west Priladozhje. Owing to a tense military situation in the 12th – 14th centuries, fortified stone walls and ramparts were constructed around the settlements (sites of ancient settlements) to protect the local ancient Karelian population. As a result of archeological research, substantial data on the material culture, household complexity of the ancient Karelians, and localization of certain types of farming depending on the environmental conditions, were received. Archeological data were significantly enlarged by the material from the west-european written sources, Old Russian chronicles and papers, and birchbark manuscripts, which must be an evidence of an active foreign policy of the medieval Karelian population.

K e y w o r d s: archeological monuments of the 1st – 2nd centuries AD, sites of ancient settlements of the 12th – 14th centuries AD, material culture, trade and cultural contacts, written sources.

Северо-западные берега Ладоги были освоены человеком еще в мезолите, примерно 9 тысяч лет тому назад. На выбор мест для

поселений непосредственно влияли изменения береговой линии водоемов, климата, растительного и животного мира, ведь охота

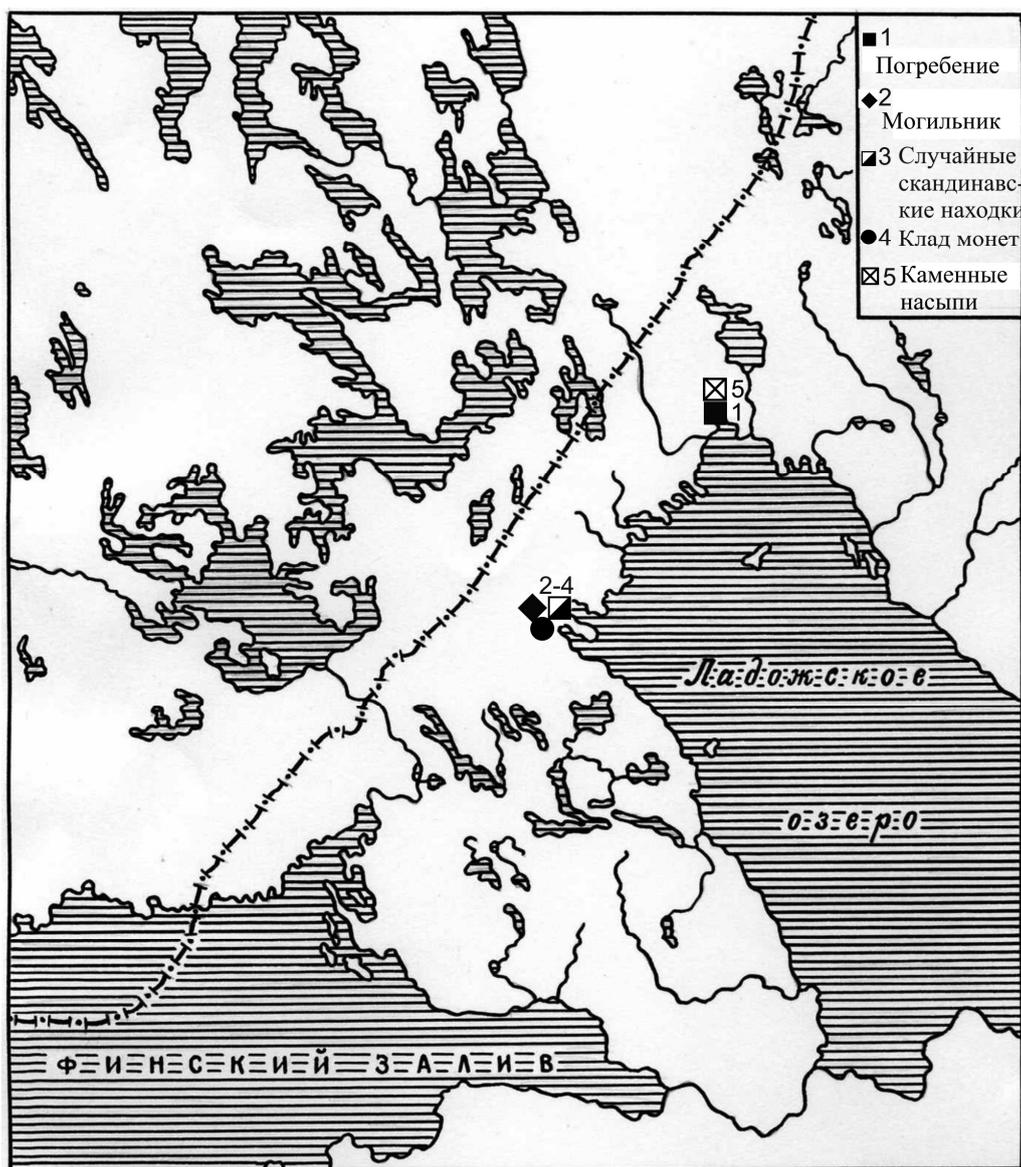

Рис. 1. Памятники VI и X – начала XI в.:

1 – Нукутталахти; 2–4 – окрестности пос. Куркиёки; 5 – Хелюля

и рыболовство являлись основными занятиями населения на протяжении многих веков. Началом эпохи Средневековья считается конец V века. Известные к настоящему времени археологические древности раннего Средневековья народов Карелии и их соседей датируются VI–IX вв., эпохи развитого Средневековья – X–XV вв. Средневековье – это время возникновения Древнерусского государства и формирования этносов на Северо-Западе России.

Северо-Западное Приладожье было заселено древнекарельскими племенами, для которых в русских летописях употреблен этноним *корела*. Первое упоминание о ней помещено в Новгородской первой летописи под

1143 г.: «В то же лето ходиша Корела на Емь, и отбежаша 2 лоиву бити». Речь идет о неудачном походе на финское племя емь и о потере двух судов (лойва – парусное судно). С этого времени записи о тех или иных карельских делах общерусского масштаба встречаются с различными интервалами на протяжении XII–XV веков. О древних карелах рассказывают берестяные грамоты и «Слово о погибели Русской земли», западноевропейские источники. Столь частое упоминание объясняется тем, что корела, проживая на западных рубежах Новгородской земли, оказалась в зоне враждующих государств: Новгорода и немецких орденов с одной стороны, Новгорода и Швеции с другой.

Нашло отражение в письменных источниках и активное участие корелы во внутренней жизни Новгорода. Корельская земля при некоторой самостоятельности и свободе в торговых делах находилась в зависимости от Новгородской феодальной республики. Без помощи новгородских военных сил древние карелы не в состоянии были обеспечить безопасность своих рубежей и рубежей Новгородского государства.

Археологические источники позволяют нам представить конкретную зону обитания населения, его материальную культуру, торгово-культурные и этнические контакты.

Одним из первых и редких памятников раннего Средневековья на территории Карелии является одиночное трупосожжение под каменной кладкой VI в. около г. Сортавала на о. Риеккалансаари в дер. Нукутталахти. Могила содержала трупосожжение молодой особы примерно 15–20 лет (половая принадлежность точно не определена). Инвентарь погребения неоднозначен, и безоговорочно утверждать его скандинавскую атрибуцию нельзя.

Этот уникальный для Северо-Западного Приладожья памятник вызывал у специалистов-археологов вопрос: действительно ли имеет место одиночное погребение или здесь находился могильник, но по ряду причин не выявленный? К сожалению, ответить на вопрос вряд ли удастся. В настоящее время территория поселения Нукутталахти представляет собой плотную застройку из домов, теплиц, гаражей, поэтому рассчитывать на археологические находки не приходится. Думается, спутники внезапно умершего не случайно выбрали для погребения высокое (около 20 м), приметное, хорошо просматривающееся с залива место.

Спустя лишь три столетия в северо-западной части Ладожского озера возник могильник в районе нынешнего пос. Куркиёки. В мае 1882 г. на южном склоне возвышенности учащиеся агрономической школы (располагалась напротив, через дорогу) по торчащему из земли копыю нашли много древних предметов, которые были доставлены в Национальный музей Финляндии (г. Хельсинки). Летом 1888 г. исследователь Я. Аппельгрэн [Appelgren, 1891] при раскопках добыл богатейший погребальный инвентарь. По всей вероятности, здесь в начале X в. были погребены по обряду трупосожжения мужчина-воин (или двое, если исходить из количества боевого оружия), две женщины и, видимо, ребенок. Спиральные браслеты настолько маленькие, что их могла носить только девочка [Söyrinki-Harmo, 1992].

Судить об этнической принадлежности погребенных трудно, поскольку обряд захороне-

ния неясен. Найденные предметы вооружения (мечи, наконечники копий) аналогичны оружию Северной Европы того времени. Некоторые украшения указывают на связи со Швецией, Финляндией, Прибалтикой, поэтому этническая атрибуция погребений весьма субъективна¹.

О пребывании скандинавов на этой территории свидетельствуют и случайные находки: рукоять меча типа S, овально-выпуклые фибулы X – первой половины XI в.

Клад монет обнаружен в 1886 г. местным жителем д. Кууппала. По его словам, под камнем было «несколько сотен монет». В руки исследователей попало чуть больше семидесяти, которые датируются примерно 1070 г.

Три каменных насыпи когда-то находились на возвышенности между г. Сортавала и пос. Хелюля, в 0,5 км к юго-западу от скалы Паасо, в местечке Хернемяки на берегу оз. Ликолампя, на высоте 16–17 м над уровнем воды. В 1938 г. при хозяйственных работах на месте каменной насыпи 1 (вторую насыпь, видимо, разрушили ранее; здесь сохранилась лишь стеклянная бусина) были обнаружены археологические предметы, но когда финляндский исследователь Ё. Леппяахо прибыл на место, каменная насыпь 1 уже была уничтожена. При просеивании земли исследователь нашел еще несколько предметов. В 1939 г. Э. Кивикоски раскопала остатки второй и третьей насыпей. Одна из них содержала трупосожжение (240 г сожженных костей), в другой остатков погребения не обнаружено; возможно, по мнению Э. Кивикоски, оно не сохранилось в силу особенностей структуры каменной насыпи. Кроме того, местным жителем обнаружен обломок удила.

По сопровождающим вещам трупосожжение под каменной насыпью 1 можно датировать X в. [Kivikoski, 1944. S. 5–8; Кочкуркина, 1981. С. 20; Uino, 1997. S. 329–331].

По конструктивным особенностям погребальные каменные насыпи отличаются от курганов Юго-Восточного Приладожья и Олонецкого перешейка и ближе к кругу древностей этого времени, выявленных на Карельском перешейке и в Финляндии, в то время как предметы погребального инвентаря, напротив, роднят их. Видимо, в районе Сортавала – Салми проходила граница между территориями корелы с одной стороны, землями веси и карелов-ливвиков с другой, поэтому в археологических древностях контактных зон отчетливо прослеживается взаимовлияние.

¹ П. Уйно [Karjalan synty, 2003. S. 331] полагает, что многие показатели свидетельствуют о принадлежности могильника Лопотти переселенцам из западной Финляндии.

Памятников XI–XII вв. на северном побережье Ладожского озера пока найти не удалось. Не думается, что это связано с отсутствием населения. Скорее всего, оно оставило после себя неукрепленные поселения, которые археологически трудноуловимы. Но когда люди оказались в зоне враждующих государств, требования к обустройству поселений стали иными. Напряженная внешнеполитическая обстановка отразилась на их топографии, конструктивных особенностях застройки с использованием защитных свойств микрорельефа. При угрозе нападения для временной защиты население использовало труднодоступные возвышенности с обрывистыми склонами, так называемые городища-убежища, заблаговременно укрепленные некоторыми дополнительными каменными сооружениями. На постоянных поселениях, помимо внешних оборонительных сооружений в виде каменных стен, валов, применялись внутренне – из домов и построек, создававших еще одну дополнительную линию укреплений.

Форпостом и торгово-культурно-экономическим центром Северо-Западного Приладожья в XIV – начале XVII в. была Корела – «Корельский город» – Кякисалми – Кексгольм (ныне г. Приозерск Ленинградской области). Оборонительные сооружения расположены на двух островах р. Вуокса в 2–4 км от ее впадения в Ладожское озеро: небольшом, площадью около 6000 м², называемом по литературной традиции «Старой крепостью» (детинец) (высота 8–10 м), и на соседнем Спасском острове (посад), заселенном в конце XV в. [Кочуркина, 2010. С. 27–28]. Древняя крепость Корела – административный центр древнекарельской территории, упомянутой в русских летописях под 1278 и 1293 гг. как «Корельская земля». Из летописей известно, что шведы основали город в 1294/95 г., по шведским же источникам, они лишь обновили построенные новгородцами укрепления. Анализ разноречивых письменных материалов привел к предположению, что, возможно, в устье реки находился предшествовавший городу острожек, по разным причинам до сих пор не найденный¹. Перенос поселения на остров, как выяснилось в процессе археологических раскопок 70-х годов XX в. в детинце крепости (раскопки А. Н. Кирпичникова), состоялся либо в 1300, либо в 1310 г. Выявлены два строительных горизонта: верхний содержал остатки сгоревших деревянных домов, датирующихся, по данным дендрохро-

нологии, 1360–1380 гг.; нижний, отнесенный к 1310–1360 гг., – следы основанного новгородцами военного городка. Предполагается, что строители увеличили высоту острова за счет возведения по его краю своеобразной платформы, на которой построили дома и, вероятно, деревянные защитные укрепления. По теоретическим расчетам, на острове в крепости размещалось 100–110 однокамерных домов, в которых проживали 300–330 русских и карельских поселенцев, из которых треть несли сторожевую службу. О доминирующей роли русского населения свидетельствуют планировка, жилые постройки срубного типа, обилие вещей русского городского ремесла. Следы корелы выявлены по типичным для их культуры археологическим предметам и упоминаниям в переписной книге 1500 г. [1852]. При археологических исследованиях на рубеже 1980–90-х годов (раскопки А. И. Саксы и П. Уино) на территории древней крепости обнаружены строительные остатки, существовавшие на острове до возведения крепостных сооружений, и, предположительно, следы разрушенных погребений VIII–XIII вв., которые позднее были уничтожены при строительных работах.

Во второй половине XIV в. после пожара посадник Яков укрепил остров новгородским косяком – каменной боевой башней, входившей в кольцо деревянных укреплений. В плане она представляла собой трапецию со скругленной фронтальной стороной. Площадь нижнего яруса 28 м². Фундамент сложен из валунов без связующего раствора, стены – из тесаных гранитных камней, скрепленных известковым раствором, с валунной забутовкой. Полагают, что к башне с северной и южной стороны примыкали деревянные укрепления, создавшие вместе с ней сплошное оборонительное кольцо. Примерно через 100 лет увеличили толщину ее стен, в XVI в. за ненадобностью башню снесли. С XVI в. на обоих островах, в связи с усовершенствованием артиллерии, были выстроены крепости бастионного типа, использовавшиеся до начала XIX в. [Кирпичников, 1984. С. 119–144; Uino, 1997. P. 261–268; Saksa, 1998. S. 107–125].

В конце XIII – начале XIV в. в Корельской земле при непосредственном участии новгородских властей начато строительство крепостей для защиты пограничных рубежей от шведских посягательств. Для этих целей в период между 1293 и 1323 годами возводятся Тиверский городок – военно-оборонительный и ремесленный центр на Карельском перешейке в 14 км от пос. Мельниково (Ряйсяля). Окруженное валом и каменными стенами поселе-

¹ Э. Кууйо [Kuujō, 1958. S. 14] ссылается на документ 1570 г., согласно которому в устье р. Вуоксы находилась монастырская мельница «у городища» (переведено проф. Тойкка как «старое место крепости»).

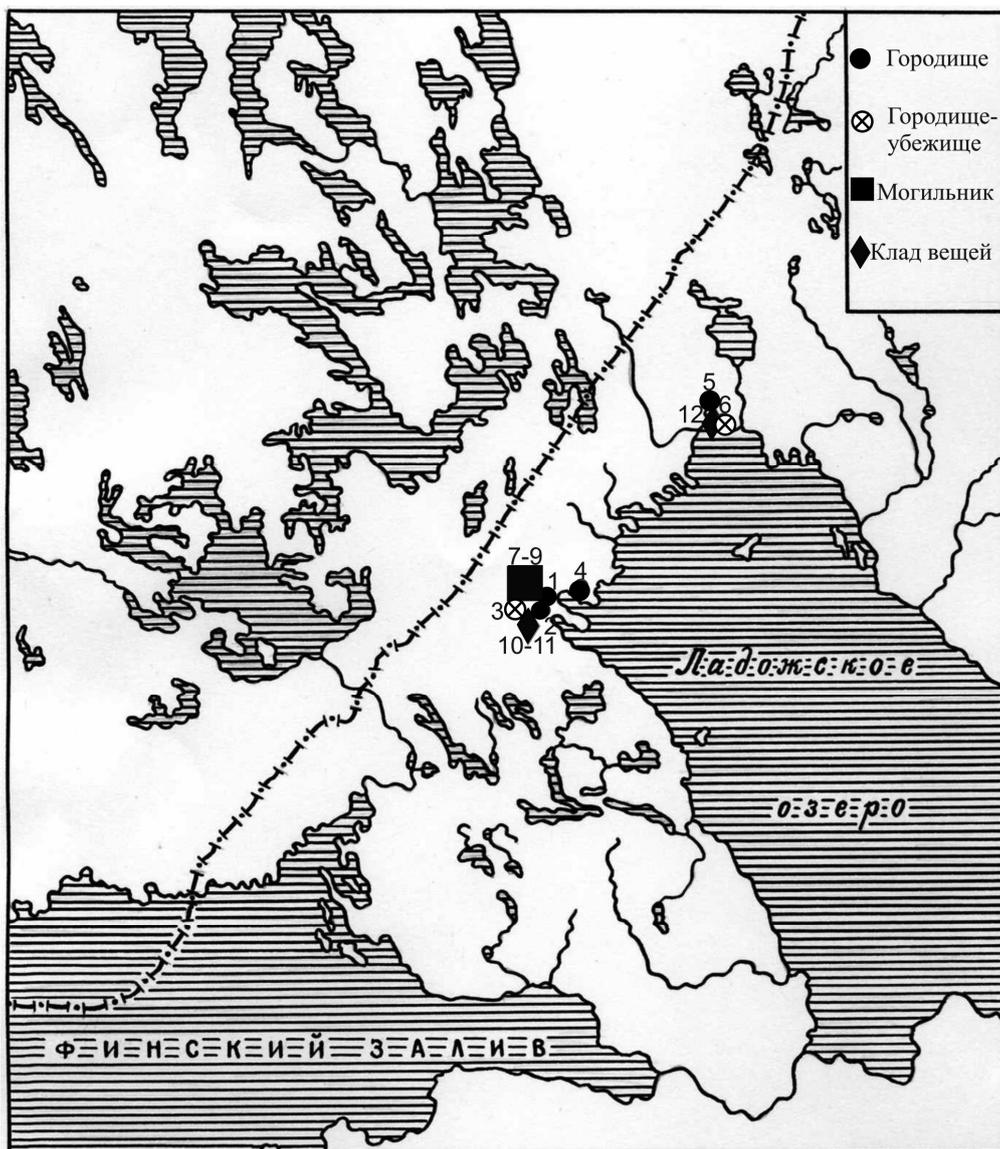

Рис. 2. Памятники XII–XIV веков:

1. Хямеенлахти; 2. Соскуа; 3. Ранталинмяяки; 4. Терву-Линнасаари; 5. Паасо; 6. Токкарлахти-Линнасаари; 7. Кюлялахти-Калмистомяки; 8. Куркиёки-Сяккимяки; 9. Кууппала-Калмистомяки; 10. Хийтола; 11. Куркиёки-Виллапекко; 12. Сортавала-Рантуэ

ние располагалось у порогов Тиури на острове, омываемом двумя рукавами р. Вуоксы (15 м над ур. моря). Городище площадью около 1 га (археологической экспедицией ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством С. И. Кочкуркиной раскопано 1620 м²) окружено каменными стенами и валом. Первое сообщение о Тиверском городке содержится в Никоновской летописи под 1404 г., второе – под 1411 г., когда шведы неожиданно напали на него. Однако эти даты не означают, что городок существовал только в указанный короткий промежуток времени. Археологические раскопки выявили жилые и хозяйственные комплексы, крепкие оборонительные сооружения и 28 захоронений погиб-

ших защитников крепости. Вскрыто 14 фундаментов жилищ, сложенных из мелких, плотно уложенных камней, обмазанных глиной. Дома строились из дерева. Отопительные сооружения из камней и глины чаще всего располагались в северо-западном углу дома, ближе к выходу. Площадь жилищ колебалась от 18–20 до 54 м². Постройки составляли двухрядную цепочку соответственно конфигурации острова и, расположенные в шахматном порядке, представляли собой оборонительную линию.

Южная часть городища была защищена мощным земляным валом на каменном основании. Обороне этого участка придавалось большое значение, так как враг мог появиться

именно с южной стороны. Недаром в южной части поселения найдено почти все собранное при раскопках оружие. В основании вала в качестве оберега строители поместили жертвенник. Протяженность уцелевших оборонительных укреплений около 300 м, ширина от 1 до 11 м, высота (с внутренней стороны) 0,3–0,7 м. В северной части, как более безопасной, была сосредоточена вся хозяйственная жизнь.

Собранный при раскопках инвентарь показывает, что жители Тиверска не только несли сторожевую службу, но и занимались ремеслом, сельским хозяйством, животноводством, охотой, рыбной ловлей, участвовали во внешней и внутренней торговле. Городок, возможно, назван Тиверским по имени одного из пяти корельских родов – Тиврульцев [Кочуркина, 1981. С. 30–62; 2010. С. 29–52].

Древнекарельские поселения на северном берегу Ладожского озера располагались на стратегических высотах от 42 до 50 м над уровнем моря, за исключением Паасо (79,2 м), а также Ранталиннамяки. Небольшая высота (30 м) этого городища-убежища компенсировалась мощными валами из камней, засыпанных землей, максимальная высота которых достигала 4 м. Уязвимый подход на городище Паасо также был укреплен валами, между которыми располагались ворота. Тройная линия укреплений с напольной стороны острова зафиксирована на городище Терву-Линнасаари. На остальных памятниках, как правило, небольшими каменными стенами защищались ущелья, ложбины и другие удобные для восхождения на гору участки. Для прохода во внутреннюю часть поселения в каменных стенах были ворота, по всей вероятности, деревянные (к сожалению, следов их не выявлено). К перечисленным памятникам добавились еще два городища-убежища, открытые в 2012–2013 гг. в Сортавальском районе Республики Карелия.

На вершине городища Паасо, пригодной для жилья узкой площадке, выявлено семь построек с печами и очагами. На городище Лопотти помимо внешней линии оборонительных укреплений, защищающих возвышенность с трех сторон, существовала внутренняя – из жилых построек. Деревянные дома на каменных фундаментах (раскопано четыре) площадью от 13 до 25 м² имели печи-каменки в северо-восточном углу. Аналогичные фундаменты зафиксированы на Хямеенлахти и Терву-Линнасаари. На Соскуа следы жилых построек отсутствовали. Кроме того, на территории поселений за пределами жилищ обнаружены хозяйственные сооружения: остатки кузницы, горна, открытые очаги, печи, основным материалом для которых служил камень.

Коллекции, собранные в процессе раскопок городищ, содержат предметы из цветного металла, железа, камня, кости, глины. Население сумело успешно реализовать находящиеся на его территории железорудные запасы сырья. Выявлены остатки железодельного и кузнечного производства, обилие кусков шлака с высоким содержанием железа. Профессионально использовались термическая обработка, паяние, обмеднение железных изделий. При изготовлении разнообразного кузнечного инвентаря применялись вытяжка, рубка, обрезка, пробивка отверстий, изгиб, скручивание. На некоторых предметах обнаружена художественная кузнечнаяковка. Инкрустация цветным металлом в виде двух параллельных полос отмечена на боевых топорах. Мастера, владея передовой технологией, изготавливали разнообразные инструменты, употребляемые для обработки дерева и в ювелирном деле, в сапожном, шорном и ткацком ремеслах, в сельском хозяйстве и промыслах, оружейном деле. Много требовалось предметов для повседневных нужд.

Производство отличалось высокой степенью сложности и не уступало в этом древнерусским городам, прежде всего Новгороду, под влиянием которого оно развивалось. Использовались те же технологические схемы: трехслойный пакет, сварка стальной полосы в рабочую часть клинка, наварка стального лезвия на железный клинок. Сравнение самой массовой категории кузнечного инвентаря – ножей – из древнекарельских поселений показывает тесную связь местной технологии с северорусской. В производстве ножей наиболее часто употреблялись технологические схемы, доминировавшие на севере Руси, прежде всего в Новгороде, в IX–XII вв., и главным образом прогрессивная сварная техника.

В древнекарельской земле она продолжала использоваться и в XIII–XIV вв. Долгое сохранение этой технологии можно объяснить не только устойчивостью традиций в среде кузнецов, но и тем, что до северной периферии Новгородской земли еще не дошли экономические стимулы, заставлявшие работать на широкий рынок и неизбежно приводившие к экономии металла и упрощению технологии.

Меднолитейное дело также развивалось в русле передовых традиций. Для изготовления предметов украшения использовались сложные сплавы. Известны изделия из довольно редкой оловянной латуни, датирующиеся, как правило, X–XI вв. и свидетельствующие о наличии на памятниках следов догородищенских слоев. Отмечен высокий

процент изделий из бронз (сплавы на основе меди с оловом, свинцом), но использовались только низкооловянные двойные бронзы, как и на всех памятниках Северо-Запада России. Вещи из них датируются XII–XV вв. Пик изделий из «чистой» меди приходится на XII–XIV вв. На городищах обнаружены предметы из многокомпонентных сплавов. Наличие таких сплавов специалисты объясняют дефицитом металла с высоким содержанием цинка. Поэтому к нему добавлялись переплавленные вышедшие из употребления предметы и их обломки. Серебро, как дорогой металл, использовалось весьма экономно.

Вопрос о путях поступления металла остается пока неясным, но специалисты предполагают, что со второй половины X в. медь, латунь и серебро появились на Руси из западноевропейских рудников; медное сырье – из Волжской Болгарии. С XII в. основным поставщиком чистой меди на рынки Балтийского региона и Северо-Запада Руси становится Швеция [Ениосова, 2010. С. 248–262; Ениосова, Кочуркина, 2010. С. 24–33].

Заметную роль в распространении пашенного земледелия в лесной полосе европейской части России в начале II тыс. сыграло повсеместное использование сохи. С одной стороны, ее использование уменьшало долю ручного труда в подсечном земледелии, а с другой – соха лучше рыхлила почву и при этом сохраняла ее естественные физические свойства, что способствовало получению более высокого урожая и более долгому использованию участков. Создались возможности для освоения и превращения в пашню новых, даже малопригодных, земель. Соха оказалась настолько удобной для каменистых и заросших лесом участков, что сохранялась наряду с бороной-суковаткой на усадьбах карелов до недавнего времени. Соответственно стал разнообразнее сельскохозяйственный инвентарь. На археологических памятниках древних карелов орудия сельскохозяйственного труда и промыслов представлены почвообрабатывающими сошником и мотыгами. Для вторичной обработки почвы – разбивания комков земли, рыхления, работы на огородах – применялись мотыги. Такие изделия обнаружены на территориях, заселенных предками собственно карелов, карелов-ливвиков и карелов-людиков, поэтому тип мотыг назван в археологической литературе карельским. Длительное время у населения карельского Приладожья были в употреблении серпы. Серп с городища Тиверск, как показал металлографический анализ,

имел самозатачивающееся лезвие, закаленное на мартенсит. Технология трехслойного пакета обеспечивала высокий технический уровень древнерусских изделий, которые, как уже отмечалось в печати, были близки к современным серпам, но порой и лучше современных [Левашева, 1956. С. 67, 73]. Кроме того, серпы обнаружены и в женских погребениях древнекарельских могильников.

В эпоху расцвета древнекарельской культуры использовался новгородский тип серпа, который распространился с территории Корельской земли далеко на север – в глухие отдаленные лесные районы, и на запад – в экономически развитую западную Финляндию (об этом свидетельствует и общность терминологии в карельском и финском языках). Как свидетельствуют этнографические данные, традиция использования новгородского серпа в восточной Финляндии, Приботнии и на обширных пространствах Севера существовала в течение многих веков [Vilkuna, 1934. S. 223–235].

Для приготовления крупы из зерна, вероятно, пользовались железными цилиндриками, пестами, надетыми на деревянные рукояти.

На исследованных археологических памятниках зерно почти не сохранилось – исключение составляют редкие находки зерен ржи, пшеницы, остатков мякины в погребениях. Общая для Северной Европы тенденция вытеснения доли пшеницы и ячменя за счет культивирования ржи и овса подтверждается писцовыми книгами. В конце XV – начале XVI в. пшеница исчезает из оброка в Корельском уезде Водской пятины. Однако ячмень, как неприхотливая и быстро созревающая злаковая культура, в Карелии не потерял своего значения.

Наряду с прогрессивной трехпольной системой, получившей повсеместное распространение, подсека на Севере оказалась необыкновенно живучей. Картографирование земледельческих топонимов показало, что их концентрация фиксируется в районах повышенной плотности населения, т. е. в центральной части Карельского перешейка.

Пашенное земледелие неразрывно связано со скотоводством, роль которого на Севере, где климатические условия и качество почвы затрудняли выращивание хлеба, особенно значительна. О развитом, но малопродуктивном животноводстве говорит большое количество обнаруженных при раскопках костей лошадей, коров, овец и свиней. На скудных почвах получение высоких урожаев без удобрения невозможно, но его наличие связано со стойловым содержанием скота.

О стойловом содержании скота свидетельствуют находки кос-горбуш. В XII–XIV вв. ареал косы-горбуши охватывал и северо-западные берега Ладожского озера. В Карелии такие косы бытовали до сравнительно недавнего времени, поскольку они как нельзя лучше подходили для кошения трав на неудобных участках.

При пастыбе скота в лесных условиях использовались ботала. Стальное ботало, найденное при раскопках Паасо, сверху и изнутри было покрыто медью для придания мелодичности звуку. Встречались на городищах также «языки» от колокольчиков. Наиболее интенсивное скотоводство, судя по зафиксированным топонимам, характерно для населения Карельского перешейка и северных берегов Ладожского озера.

Использование коней в качестве тягловой силы и в войске предусматривало развитое коневодство. Из Северо-Западного Приладожья лошади экспортировались за границу, прежде всего в Любек и Данциг. О постоянном экспорте лошадей свидетельствует указ короля Магнуса в 1347 г., в котором он разрешает жителям Выборга вывозить жеребцов не моложе 8 лет [Vilkuna, 1967. S. 30–39]. К. Вилкуна полагает, что в доисторическое время и в раннем Средневековье на Карельском перешейке, в бассейне р. Вуоксы, бродили полудикие стада лошадей финско-восточнокарельской маленькой местной породы, относящейся к первоначальной североевропейской расе, которая происходит от дикой лошади – тарпана. Согласно Вилкуне, древние карелы при необходимости приручали вьючных и верховых лошадей. Прирученные лошади пользовались спросом у тех народов, которые не имели таких естественных стад.

Значение новгородской Карелии в экспорте лошадей особенно возросло после 1229 г., когда папа Григорий IX запретил готским странам доставлять язычникам-финнам оружие и лошадей.

Наличие в археологических находках лошадиных костей позволяет предположить, что древние карелы могли употреблять конину в пищу. Кроме того, конский волос использовался при изготовлении рыболовных и охотничьих снастей, а также для прикрепления медных спиралек к женской одежде.

О рыболовстве известно по находкам железных рыболовных инструментов – крючков, блесен, гарпунов, острог, а также глиняных и каменных грузил для сетей и удочек. Двухзубый и однозубые гарпуны, а также трехзубые остроги были рассчитаны на крупную рыбу, что неудивительно, поскольку городища располагались вблизи огромных водоемов.

Комплексность хозяйства древних карелов можно проследить по топонимическим пластам, характеризующим различные отрасли хозяйства, а также районы локализации некоторых видов хозяйства в зависимости от особенностей природной среды. Населению, обитавшему в центральной части Карельского перешейка, в равной степени были свойственны земледелие, скотоводство, охота, рыболовство. Для других областей на первое место выдвигалась определенная отрасль хозяйства: скотоводство – в районе г. Сортавалы; рыболовство и охота – в основном в более северных местностях Приладожья.

Полученная в результате археологического исследования богатейшая информация о материальной культуре, созданной древнекарельским народом в эпоху Средневековья, существенно дополняется данными западноевропейских письменных источников, древнерусских летописей и документов, сведениями берестяных грамот, свидетельствующими о его активной внешнеполитической деятельности.

Средневековая корела – это умелые кузнецы и ювелиры, земледельцы, сумевшие в суровых, неблагоприятных климатических условиях освоить под пашню лесные пространства, коневоды, рыболовы и охотники, бесстрашные воины, участники дальних и ближних походов, торговцы. Все сферы их жизнедеятельности, от политики до культуры, на протяжении веков были тесно связаны с Новгородским государством. По его инициативе и непосредственном участии возник административный центр Корела – город русских и, в меньшей степени, древнекарельских поселенцев. По Ореховецкому договору западная корела отошла к Швеции, основная же часть осталась под властью Новгорода, тесно связанная с ним экономическими, политическими и культурными интересами.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Карелия в рамках проекта проведения научных исследований «Гончарное производство и сырьевая база на территории Карелии (эпоха каменного века – Средневековье)» (проект № 14-11-10002).

Литература

Ениосова Н. В. Новые данные о химическом составе цветного и драгоценного металла памятников летописной корелы // Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск. 2010. С. 248–262.

Ениосова Н. В., Кочкуркина С. И. Древнекарельские ювелирные изделия из цветного и драгоценного металла X–XV веков: ареал, датировка, химический состав // Труды КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2010. С. 24–33.

Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 52–73.

Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск, 2010. 264 с.

Кочкуркина С. И. Археологические памятники корелы (V–XV вв.). Л., 1981. 160 с.

Левашева В. П. Сельское хозяйство // Тр. ГИМ, 1956. Вып. 32. С. 19–105.

Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года // ВМОИДР, 1852, кн. 12. С. 5–6.

Appelgren Hj. Suomen muinaislinnat // SMYA, 1891. N 12. 237 s.

Karjalan synty. 1. osa // Ed. Saarnisto M. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy. 2003.

Kuujo E. Käkisalmen historia. Lahti, 1958. S. 9–19.

Saksa A. Rautakautinen Karjala. Joensuu, 1998. 258 s.

Söyrinki-Harmo L. Children's graves of the Viking and Crusade Periods in Finland // Cultural heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn, 1992. S. 142–155.

Vilkuna K. Zur Geschichte der finnischen Sichel // SMYA, 1934. N 40. S. 223–235.

Vilkuna K. Zur Geschichte des finnischen Pferdes // Studia Fennica N 13, Helsinki, 1967. S. 30–39.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кочкуркина Светлана Ивановна

зав. сектором археологии, д. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: babkin@karelia.ru
тел.: (8142) 781886

Kochkurkina, Svetlana

Institute of Linguistics, History and Literature,
Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: babkin@karelia.ru
tel.: (8142) 781886